№ 47

ДЕКАБРЬ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

НАРЯДЫ И СНАРЯДЫ

Рис. Л. Бродаты

В связи с поднятием кампании против иностранных товаров, в Варшаве сожжено несколько чучел, одетых в наряды иностранного происхождения.

— Дорогой пан полковник, ведь наши пушечные снаряды тоже иностранного происхождения.

— Не беспокойтесь. В свое время мы и их подожжем!

В ДЕРЕВНЕ

Воскресенье, сейчас же после спаса, когда сняли, чтобы святить, первые яблоки в садах, старик Иван Working Тересков выехал продавать поросенка на базар.

В поле, едва он миновал околицу и мельницу на прудах,—на сытой, гнедой, застоявшейся лошади его догнал председатель сельсовета Чернов. Они поздоровались и поехали рядом.

Встревоженный шумом и их голосами, поросенок захрюкал и завозился в мешке.

— Продавать везешь? — закуривая, спросил Чернов.

— Ага. Перерос кабанчик.

— Зачем же на базар везешь? Я чай и в селе купили бы. Я бы купил.

Манера Чернова за гроши покупать, под угрозой всяческих административных кар и притеснений, скот и вещи, у крестьян, была хорошо известна в деревне.

Он редко брал взятки открыто, раз и навсегда избравши этот легальный с внешней стороны прием; за теми, кто отказывал ему в такой продаже, сейчас же обнаруживались какие-то грехи и проступки, какие-то мифические потравы, и недоимки, и нарушения законов и обязательных постановлений, о существовании которых едва ли было известно даже самому Чернову.

То он уличал человека, закурившего козью ножку у сарая, в несоблюдении правил пожарной охраны, то обнаруживал вдруг недопустимую по санитарной инструкции, грязь во дворе, то находил какие-то, якобы злонамеренные ошибки и просчеты в листах обложения и сведениях о пользовании землей; и тогда на виновного сыпались штрафы, у него за гроши пускали имущество с молотка, бесконечно таскали его по судам и канцеляриям, и не в очередь, изо дня в день, выгоняли с лошадьми на починку дорог и мостов.

Жаловаться было трудно, потому, что районный центр был далеко, да и тягаться с председателем и разбираться во всех тонкостях инструкций и бесконечных статьях и параграфах законов мужикам зачастую было не под силу; в большинстве случаев, они предпочитали, поэтому, молчать, терпеть и откупаться, и только старались подальше припрятывать такие вещи и скотину, на которые мог бы позариться Чернов.

Поросенок Терескова был сытый, упитанный, породистый, годовалый кабанчик, за которого он расчитывал взять на базаре не меньше двадцати рублей; семья давно уже прятала его от Чернова, не пуская на выпас, в самом дальнем конце огорода. И старик сказал теперь, пытаясь отвязаться и, думая с беспокойством, что надо было свернуть, или погнать лошадь, раз следом выехал председатель:

— Ну-к, што вам покупать! Поросенок так себе, одни жилы да ребрушки.

— А ты покажи, покажи! — сказал Чернов, останавливая лошадь.

Он развязал мешок, вытянул визжащего поросенка за ноги и пощупал у него между лопатками и за ушами.

— Нет, что же, поросенок хозяйский! — сказал он, усмехаясь: — я бы взял, пожалуй. Много ли просишь?

— Да, ведь, как базар с'едется, какая цена будет, — уклончиво ответил старик.

— Троячку я дам, пожалуй.

— Шутишь, Павел Петрович!

— Зачем шутить? Пятерку он стоит, это верно, да ведь председателю уважить надо. А, старик? Полтинник набавлю. А?

— Два червонца просить буду.

Чернов свистнул, молча отошел к своей двуколке и влез на передок.

— Не уважишь? — сухо спросил он, и в глазах его вспыхнули огоньки.

— Да ведь как же, это же не курица...

— Дело ваше, сказала мамаша. Счастливо!

***

Поросенка старик продал за двадцать два рубля. Вместе с деньгами, хранившимися у него в тряпке за голенищем, это составило уже сумму, держать которую при себе ему не хотелось.

Он пошел было положить деньги на книжку, но касса, по случаю воскресного дня, оказалась закрытой. Тогда он купил в базарном киоске облигацию крестьянского займа, замотал ее в портянку и поехал домой.

Дома он долго искал места, куда бы положить красивую, разноцветную бумажку. За образами было напихано множество всякой дряни, всяческих пузырьков, тряпок и корешков; носить ее при себе казалось рискованным, прятать же в сундук было жаль, потому что на нее хотелось смотреть.

В конце концов он взял гвоздик и прибил ее на стенке, между двух висевших там картинок; одна была из старой «Нивы» и изображала извержение Везувия в 1862 году, на другой был снят какой то французский генерал в кирасирской каске с плюмажем, с застывшим лицом и со множеством орденов на груди.

Через день в хату зашел собиравший какие то сведения о посевах, председатель Чернов с понятым. Он увидел облигацию, удивился, значительно покачал головой и сказал:

— Государственная бумага, а ты ее гвоздем прибил, а ты ее под генералом повесил?

— А что?—растерявшись и заморгав глазами, спросил старик.

— А то, что зайди ка завтра в канцелярию утречком...

В канцелярии всем делом заправлял Прошка Товстолес, бывший полицейский писарь.

У него была наружность чеховского Епиходова, держался он величественно и неприступно, любил употреблять непонятные иностранные слова, был искусным крючкотвором и считался «казенным человеком» в селе. Чернов опирался на него во всех своих административных комбинациях.

— Плохо дело, Тересков Иван! — переглянувшись с председателем, сказал Прошка, когда старик явился в сельсовет: — уж не знаю, как ты и выпутаешься из этих абстракций.

— Да вы про что же?

— Садись! — не отвечая, сказал Прошка и взял и прочистил перо в волосах.

«Года 1928, августа 19 дня, — писал он, — в селе Анаш, Новоселовского района, Красноярской губернии, настоящий протокол составлен по отношению гражданина того же села Терескова И. Д., по обвинению последнего в пронжении государственных бумаг гвоздем, наравне с генералом, каковое предусмотрено статьями, как дискретизм советской власти»...

Он кончил, присыпал чернила песком, прочел и предложил старику расписаться.

— Мы не писатели! — сказал старик, поставил крест и, облегченно вздохнув, взял шапку: — мне иттить?

— Как же иттить?—удивился Прошка: — тебе статья пред'явлена!

— А бог с ней!

— Да ты дурака то не валяй! — рассердился Прошка: — что ты прогрессию завинчиваешь! По этой статье тридцать шесть рублей надо заплатить!

— Что ты, христос с тобой!

— Вот те и христос.

— За что же платить то?

— За дискретизм.

— Да я его не брал!

Чернов из-за своего столика, сощурившись и усмехаясь сказал:

— Плати, плати, старик! Деньги небольшие, легкие! Ты поросятами торгуешь, у тебя найдется, небось...

***

Платить старик отказался, и его посадили и заперли в каталажку, в сельскую тюрьму. Тюрьма эта была грязная, мрачная и зловонная; решеток в ней давно уже не было, окна забили снаружи толстыми досками, и воздух и свет проникали сюда единственно через дыру, развороченную кем то в соломенной крыше.

Старик сидел в темном углу, расстелив армяк на загаженной земле. Ему было скучно, не хотелось ни есть, ни спать, и мучительно ныли от сырости ноги и грудь. Часы и дни тянулись томительно и бесконечно, делать было нечего, и он стал думать и вспоминать прошлую свою жизнь, полную страданий и унижений и сплошь прошедшую в нищете, из которой никогда не удавалось выбиться.

И вдруг, когда он вспомнил все это, — то, что случилось с ним теперь, представилось ему неожиданно в новом и значительном свете; вопрос о деньгах перестал уже его занимать, но им овладело вдруг смутное чувство обиды, что и сейчас, хотя и время и люди переменились, с ним поступили так же, как поступали раньше; он стал думать, отчего это произошло и кто в этом виноват. И эти мысли и новое чувство обиды уже не покидали его.

Он просидел четыре дня, потом передал домой, чтобы продали облигацию и отдали Чернову тридцать шесть рублей. Его выпустили. Прямо из каталажки он прошел в сельсовет и, растолкав мужиков, толпившихся тут с бумагами и став у стола, за которым сидел Чернов, глухо и с ненавистью сказал:

— Продал ты, продал, сукин сын, советскую власть за тридцать шесть рублей.

А. Зорич

НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ...

В Германии локаутом выброшено на улицу 200.000 металлистов.

Рис. Б. Ефимова

— Не то плохо, что я потерял эти 200 тысяч, а то плохо, что компартия их нашла!

ОКТЯБРЬСКИЙ МОЛЕБЕН

Шестого ноября двери собора в Орше украсил следующий плакат:

«Завтра, 7 ноября, *по случаю годовщины Октябрьской революции,* в соборном храме будет совершено молебное пение Господу Богу, дабы Господь помог в их стремлении устроить жизнь к общему благу»...

Сначала, как нам достоверно сообщают из Орши, последние слова звучали еще более определенно: «*дабы Господь помог людям в их социалистическом строительстве*». Но, по обсуждении с благочинным, решено было облечь это пожелание в более нейтральную форму. Предполагалось также преданье анафеме шахтинских вредителей; потом их заменили просто «недругами и злобствующими»...

Подумаешь, как приспособляется к эпохе божий храм! Совсем недавно краевой с'езд духовенства в Сибири обязал всех священников и дьячков края изучать... Маркса. В Смоленске и по сии дни стены церквей украшают стенгазеты с фельетонами, хроникой и «каленым пером», в котором героические *попкоры* обличают отцов, не взирая на лица, в плотских грехах...

В Орше на октябрьский молебен пришел в собор только один человек, какой-то тихий божий старичек. Он терпеливо выстоял, крестясь, всю службу и вышел вместе с благочинным.

— Как вам понравилось многолетие? — спросил в дверях благочинный.

— Да нет, не дует! — ответил старичек.

Он оказался глухим.

В.

БИБЛИОТЕКА 500 ВЕКА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Из поэмы «Последний современник»)

Я живу
в пятисотом веке,
время вынесшем
в далеко...
В небе носятся
человеки
без пропеллеров
и поплавков.

От безмолвия
охриплый,
я живу
без моих друзей,
мне остались
одни архивы,
библиотека
и музей.

В библиотеке
имени Ленина,
небо и пол
тишиною оклеены,
много в хранилищах
темных
скрыто
книг, журналов
и манускриптов.

Оком плафона
глядит циклоп
белых и бледных
дней...
Сколько воды
и дней утекло,
сколько осталось
на дне.

Много было
боев и осад,
Горы сходили
вниз,
Тысячу лет
тому назад
был коммунизм.

Если бы жил
и нес Илловайский
новых столетий
налоги, —
Он потонул бы
в супеси вязкой,
супеси хронологии.

«ИСТОРИЯ МИРА».
III том.
Греция. Рим. Египет.
... В нильской долине,
иссохшей потом,
(Гельмгольц. История. Ibid.),

Жил, процветал
и шел вперед
сильный
и трудолюбивый народ,
как сообщает
эллин Миронов,
под властию
фараонов.

Но в результате
частых измен,
что подлежит проверке —
был низложен
Тутанхамен
чернью в двадцатом веке.

И фараоны
в других ролях
сброшены были
другими
под руководством
вождя Фивроля
(древне-латинское
имя).

Памятники
этих эпох —
древне-российско-
римский сапог,
древне-египетский
рваный и грязный —
флаг бело-сине-красный.

В бурсе
за это-б
трудилась лоза,
Взяли б мальчишку
в розги,

А в Комакадемии
все волоса
рвал бы
с себя
Покровский.

«История Письменности»
Де-Ваб
приводит легенду,
будто
жил великий писатель
Вапп,
Но этот вопрос
запутан.

Как ни старались мы,
книги
исчезли,
выгорев.
От Ваппа
остались
«Война и Мир»
и «Слово о Полку Игореве».

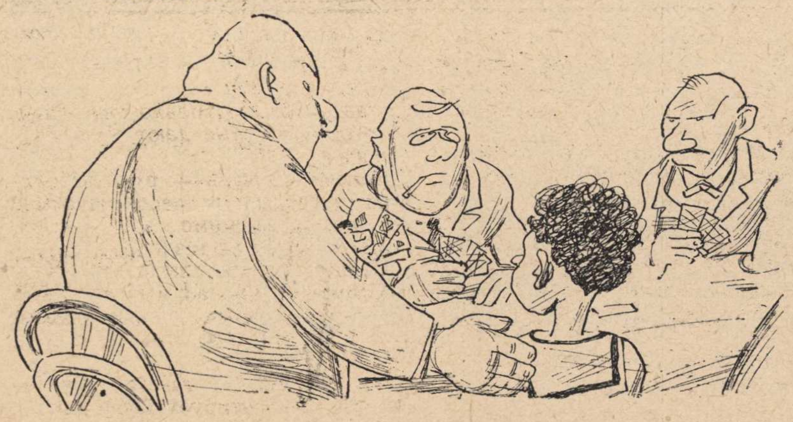
И только среди
людей и дат,
живших в веках
когда-то —
всегда,
навеки,
одна и та —
живет нерушимо
дата.

Историки,
сжатые
в книжный плен, —
путают «форум»
и «пленум».
Но имя одно
не тронул тлен,
и вечно живет
нетленным...

С. Кирсанов

УРОК ПРЕФЕРАНСА

Рис. Н. Радлова

— Папа, я бы на твоем месте больше взяток взял.
— Ну, что у меня за место—всего заведующий складом

В следующем номере
ЧИТАЙТЕ
ОБРАЩЕНИЕ
„СМЕХАЧА"
к читателям.

ПЛАКАТЫ И ЖИЗНЬ

Какой-то умник, чуя прыть,
Не плохо фразочку состряпал:

Здесь запрещается курить,
А также и плеваться на пол!

Среди столов бродя, как тать,
Проситель морщится тревожно:

— Ну на пол нам нельзя плевать,
А им плевать на граждан можно?

ПЛАНОВЫЙ ПОРЯДОК

— Каким образом вы ухитрились прошлогодний план выполнить на все сто процентов?

— Очень просто, — мы составили его только теперь.

ПО ШАБЛОНУ

— Скажите, кто ваш непосредственный начальник?

— Такого нет. У нас все — посредственные.

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА

— Что такое врачебная тайна?

— Когда врач скрывает от фининспектора заработок.

В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

— Вася, что такое дорога?

— То место, которое сторонкой об'езжают.

СЧАСТЬЕ

— Ловко я надул квартиронанимателей! Взял с них выездные, а выехать на самом деле не могу.

— Почему?

— На мое счастье судебный следователь взял с меня подписку о невыезде.

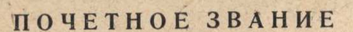
Д Р Е Б Е З Г И

РОКОВОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ТРУДНО в маленькой стране маленькому полицейскому сделать хотя-бы самую маленькую карьеру.

По сообщениям латвийской печати, полицейский, который сообщил о грозившей якобы катастрофе поезда президента, арестован, ибо запутался в противоречиях. Газеты заявляют: «Не подлежит сомнению, что полицейский сам выдумал покушение».

Когда латвийские полицейские выдумывают «коммунистические заговоры», — газеты об этом так иронически не пишут. Повидимому, размах полицейской фантазии регулируется не столько талантом, сколько очередным предписанием.

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

НАШ МЕЩАНИН в состоянии удовлетвориться одной канарейкой над окном. У английского размах гораздо шире: ему требуется сразу триста канареек и не над окном, а в рупоре. Поэтому в Бирмингаме (Англия) был передан по радио концерт, в котором участвовало 300 канареек.

Победительнице наверное был присужден титул, которым до этого времени неот'емлемо пользовался только один Гендерсон: — Канарейка Его Величества.

ИЗЛЮБЛЕННАЯ ФОРМА

НА ЭТИХ ДНЯХ Пуанкаре в одной из своих речей заявил:

— Наш народ должен любить свою армию.

Вслед за этим шесть кавалерийских полков были переформированы, как сообщает «Тан», в шесть жандармских полков.

Как известно, любовь имеет разные формы. По мнению Пуанкаре, — из этих форм, очевидно, самая подходящая:

— Жандармская форма.

ТОСКА О ВЕРЕВКЕ

КОГДА ИТАЛЬЯНСКИЕ ФАШИСТЫ расстреляли Маджиора, был устроен аукцион, на котором платили тысячи лир за куски платья в крови. Кусочки веревки, которой были связаны ноги Маджиора, также были раскуплены флорентийской аристократией.

Напрасно, по нашему мнению, флорентийская аристократия запасается веревкой таким неэкономным и нерациональным способом. Когда для нее потребуется хорошая веревка, — об этом своевременно позаботятся другие...

Д Е Т С К О Е

Рис. А. Р.

— **И вот, дети, знайте пословицу: «Не плюй в колодец...»**

— **Знаем, знаем! «А плюй в урну, не то оштрафуют!»**

НЕ ЛЮБО—НЕ СЛУШАЕМ, А ВРАТЬ ПОМЕШАЕМ!

О тактике Цезаря говорили: «Пришел, увидел, победил». О некоторых иностранцах, побывавших в СССР и пишущих о нем книги, следует сказать несколько иначе:

— Приехал, не увидел и соврал.

Так португальский писатель Эрландер Робейра, пробывший 5 дней в СССР, написал целую книгу, в которой между прочим уверяет, что:

> Московский Кремль построен в 1736 году (после смерти Петра Великого), что в Кремле заседает правительство во главе с В. С. Ралининым, что в Кремле есть памятник Раляефу, который убил московского генерал-губернатора Александровича.

Дальше оказывается, что когда-то существовал еще Гриша Распонтин, на могиле которого застрелилась Вырубова.

Продолжая в стиле Робейры, можно было бы сообщать без конца:

«Династия Романенко была свергнута, потом было правительство Керенчука, а теперь несмотря на советскїи строй (stroi), в Кремле еще живут два монарха: царь-колокол и царь-пушка. Из других строев можно назвать: Днепрострой, Волховстрой и т. д.».

А.

Т А Р А К А Н Ы   В   Т Е С Т Е

Последняя книжка «Нового Мира» (№ 11) неблагополучна по тараканам в тесте.

Первый по изобилию «тараканов»—поэт Мих. Голодный, из стихотворения которого «Сон» приведем несколько строк:

Только утро — рецензенты под окном,
Спор критический до драки об одном:
«Он — Некрасов! Нет, он Лермонтов! Нет, Блок!
Нет, со Свифтом заключил он тайный блок!»

Мало озаглавить стихотворение словом «Сон», чтобы сравнивать себя с Лермонтовым и Свифтом.

Сон тоже имеет свои логические законы!..

★

А вот отрывок из стихотворения «Здорово!» И. Сельвинского, которое напечатано в той же книжке «Нового Мира»:

... Могут пробраться в погреб
Завтра чумные крысы.
Я буду тоже лысым.
Некогда сгибли обры.

Прочитав эти «стихи», варьирующие известный афоризм «В огороде бузина, а в Киеве дядька», можно умозаключить:

— Что Сельвинскому «Здорово!», то читателю смерть.

★

Хотите в два счета получить исчерпывающую характеристику писателя Келлермана?

Читайте статью Кальма в «Красной Ниве» (№ 41):

Стрельба и теннис, лошадь и руль автомобиля, пески пустыни и горные перевалы, взлеты мысли, легчайшее преодоление пространства — все это только слагаемые, которые в сумме дают Келлермана...

Конечно, лошадь + руль автомобиля + теннис + песок пустыни не дадут в сумме, как уверяет Кальма, Келлермана.

Скорее все эти слагаемые дадут в сумме—Кальмармана...

★

Я. Эльский в газете «Гудок» (№ 266) так цитирует Пушкина:

Тиха украинская ночь.
Прозрачен воздух, звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...

Своей дремоты превозмочь не хочет также и Я. Эльский, который поленился правильно процитировать всем известные стихи Пушкина...

БЫВАЛЫЙ СУДЬЯ

Рис. Н. Д.

— **За хулиганство не сидели?**

— **Не привел господь...**

— **Это я без вас знаю. А милиционер не приводил?**

«КОГДА РАК СВИСТНЕТ...»

Рис. А. Радакова

— Не свистит! Наверно, он заодно с советами! Недаром — красный!

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Лирический поэт Михаил Рукаев прочел за утренним чаем статью авторитетного писателя Николая Тундры и задрожал. В статье было написано, что Рукаев, во-первых, плохой поэт, во-вторых, — неграмотный человек и, в-третьих, — просто темная личность.

«Этот молодой человек», — писал о поэте рассвирепевший Тундра, — «с поразительной развязностью трактует вопросы, о которых не имеет ни малейшего представления. Не говоря уже о том, что в воспоминаниях обо мне поэт позорно перепутал отчество моей двоюродной бабушки, — он открыто заявил, что Кисловодск лежит у подножия Машука. Да будет известно поэту Рукаеву, что у подножия Машука лежит не Кисловодск, а Железноводск. Пора уже нам на двенадцатом году не спутывать Машука с другими горами!»

В конце статьи авторитетный писатель Тундра донес читателям, что весь облик поэта Рукаева весьма подозрителен, что во время обеда у Тундры поэт производил такое впечатление, что вот-вот унесет в рукаве котлету и что, наконец, поэт Рукаев в разговоре подмигивал левым глазом.

Изобиженный поэт Рукаев проплакал семь дней и семь ночей.

Потом вышел из дому.

**
*

— А вот и я! — воскликнул Михаил Рукаев, входя в редакцию толстого журнала.

При входе поэта все присутствующие в комнате замолчали.

Михаил Рукаев осмотрелся. Секретарь глядел в бумаги. Несколько приятелей поэта рассматривали обои.

— Понимаете, какой курьез произошел со мной на днях, — сказал Рукаев, судорожно проглотив слюну, — раскрываю я газету и что бы вы думали?.. Статья Николая Тундры! Читаю, конечно, и, что бы вы думали?.. Хе-хе... Про меня статья. Будто бы я и такой, и эдакий... я, вы знаете, даже удивился.

Присутствующие, один за другим, вышли на цыпочках из комнаты.

Остался один секретарь.

— Ну, как делишки? — спросил секретаря поэт Рукаев.

Секретарь долго кашлял и, наконец, сказал:

— Делишки ничего себе, но вот что, Михаил Михайлович: после этой истории со спутанием Машука, вы понимаете... Ваше сотрудничество в нашем журнале... это самое...

— Но ведь это же мелочь! — воскликнул Рукаев звенящим голосом. — Ну, ошибся человек!.. Помилуйте!!.

Секретарь углубился в бумаги.

«Спасите!» — хотел крикнуть Михаил Рукаев, но потом раздумал и, согнувшись, вышел на улицу.

— Видишь, Коля, вот идет поэт Рукаев! — услышал Рукаев за своей спиной.

— А! Это тот, который украл котлету у бабушки Николая Тундры?

— Тот самый.

Михаил Рукаев подозвал извозчика.

— На Мясницкую. Шесть гривен.

— Что вы, ваше сиятельство, — возразил извозчик, — овес нынче... Чай, не котлета, даром не дается...

Пришлось итти пешком.

Дома поэт нашел записку жены:

«С человеком, который не знает, какой город расположен у подножия Мушака, я жить не могу. Я ушла к Ястребову. Нина.»

Зазвенел телефон.

— Слушаю! — сказал Рукаев, в изнеможении опускаясь на стул.

— Это вы? — спросил женский голос.

— Я, — сознался поэт.

— И вы, такой нежный, такой звучный, унесли в рукаве котлету? Вы?..

— Врет он все! — закричал поэт хватающим за душу голосом. — Ничего я не уносил!

— Я не верю вам. Я не могу поверить человеку, который подмигивает левым глазом. Я вырвала вас из своего сердца.

— Кто вы, жестокая незнакомка? — простонал поэт.

— Ваша поклонница! — отрезал женский голос. — Вернее, я была ею.

— Алло! — бешено закричал Рукаев. — Алло!.. Повесила трубку!..

Послышался шорох, и из под входной двери выполз газетный лист. Михаил Рукаев поднял его. Это была самая веселая юмористическая газета «Кукушка». На первой же странице поэт узнал себя. Он был изображен летящим вверх тормашками с большой горы. Внизу была подпись:

«Путешествие поэта Рукаева по горе Машук.»

— Я погиб! — вскричал Михаил Рукаев. — Забвения! Забвения!

И поэт пошел в пивную с твердым намерением как можно скорее опуститься на самое дно общественного колодца.

На досчатой эстраде стоял очень худой человек в измятом фраке и пел лишенным приятности голосом:

Нынче наши все поэты
Любят есть одни котлеты.
Их в рукав они хватают,
А сами азбуки не знают.

Вечером Михаил Рукаев написал записку:

«В смерти моей убедительно прошу винить Николая Тундру.»

Но повеситься не успел.

Пришел знакомый критик и сообщил, что по самым последним сведениям, под Машуком расположен не Кисловодск и не Железноводск, а Пятигорск.

— Ничего, Миша, — говорил добрый критик, — мы еще увидим небо в алмазах!.. Мы отдохнем, отдохнем...

Конец этой истории еще неизвестен.

Иностранец Федоров

МЕНЯЮ ИМЯ
СМЕХАЧ на ЧУДАК

БУРНОЕ СОБРАНИЕ

Рис. К. Ротова

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Граждане! Прошу не ПЕРЕБИВАТЬ ораторов!!!

МЕНЯЮ ИМЯ
СМЕХАЧ на ЧУДАК

МЕНЯЮ ИМЯ СМЕХАЧ НА ЧУДАК

СЛУЧАИ В КОНТОРЕ

В конторе по заготовке рогов и копыт высшим лицом был Николай Константинович Иванов. Я особенно прошу заметить себе его имя и отчество — Николай Константинович. Также необходимо договориться о том, на каком слоге его фамилия несла ударение. Ударение у Николая Константиновича падало на последний слог. Фамилия его читалась — Ивано́в.

Дело в том, что Ивано́вых, то-есть людей, несущих ударение на последнем слоге своей фамилии, необходимо отличать от их однофамильцев, у которых ударение падает на второй слог. Ивано́в и Ива́нов ничуть не схожи. Говоря короче, все Ивано́вы люди серенькие, а все Ива́новы чем-нибудь да замечательны.

Ивано́вых великое множество. Ива́новых можно перечесть по пальцам.

Ивано́вы занимают маленькие должности. Это счетоводы, пастухи, помощники начальников станций, дворники или статистики.

Ива́новы люди совсем другого жанра. Это известные писатели, композиторы, генералы или государственные деятели. Например, писатель Всеволод Ива́нов, поэт Вячеслав Ива́нов, композитор Ипполитов-Ива́нов или Николай Иудович Ива́нов, генерал, командовавший юго-западным фронтом во время немецкой войны. У них у всех ударение падает на второй слог.

Известность, как видно, и служит причиною того, что ударение перемещается.

Писатель Всеволод Ива́нов до того, как написал свою повесть «Бронепоезд», безусловно назывался Всеволод Ивано́в.

Если помощнику начальника станции Ивано́ву удастся прославиться, скажем, перелетом через океан, то ударение немедленно перекочует с третьего на второй слог.

Так свидетельствуют факты, история, жизнь.

**
*

Возвращаясь, однако, к конторе по заготовке рогов и копыт для нужд гребеночной и пуговичной промышленности, я должен заметить, что заведующий конторой был человек ничем особенно не замечательный. Николай Константинович был, если можно так сказать, человек пустяковый, с ударением на последнем слоге. Служащий — и ничего больше.

Николай Константинович находился в состоянии глубочайшего раздумья.

Дело в том, что все служащие по заготовке роговых материалов были однофамильцами Николая Константиновича. Все они были Ивано́вы.

Приемщиком материалов был Петр Павлович Ивано́в.

Артельщиком в конторе служил Константин Петрович Ивано́в.

Первым счетоводом был Николай Александрович Ивано́в.

Второго счетовода звали Сергеем Антоновичем Ивано́вым.

И даже машинистка была Ивано́ва, Мария Павловна.

Как все это так подобралось, Николай Константинович сообразить не мог, но ясно понимал, что дальше это терпимо быть не может, потому что грозит катастрофической опасностью. Он отворил дверь кабинета и слабым голосом созвал сотрудников.

Когда все собрались и расселись на принесенных с собою темно-малиновых венских стульях, Николай Константинович испуганно посмотрел на своих подчиненных. Снова с необыкновенной остротой он вспомнил, что все они Ивано́вы и что сам он тоже Ивано́в. И не в силах больше сдерживаться, он закричал, что есть силы:

— Это свинство, свинство и свинство! И я довожу до вашего сведения, что так дальше терпимо быть не может!..

— Что не может? — с крайним удивлением спросил приемщик Петр Павлович.

— Не может быть больше терпимо, чтоб ваша фамилия была Ивано́в! — твердо ответил Николай Константинович.

— Почему же моя фамилия не может быть Ивано́в? — сказал приемщик.

— Это вы поймете, когда вас выгонят со службы. Всех нас выгонят, потому, что мы Ивано́вы, а следовательно родственники. Тесно сплоченная шайка родственников. Как я этого до сих пор не замечал?

— Но ведь вы знаете, что мы не родственники! — возопила Мария Павловна.

— Я и не говорю. Другие скажут. Обследование. Мало ли что? Вы меня подводите. Особенно вы, Мария Павловна, у которой даже отчество общее с Петром Павловичем.

Приемщик вздрогнул и тяжко задумался.

— Действительно, — пробормотал он, — совпадение удивительное.

— Надо менять фамилии,— закончил Николай Константинович. — Ничего другого не придумаешь. И чем скорее, тем лучше. Лучше для вас же.

— Пожалуй, я обменяю, раз надо! — вздохнул артельщик. — Нравится мне тут одна фамилия, Леонардов. У меня такой старик был здесь знакомый. У него даже один красный директор хотел купить фамилию. Очень ему нравилась. Десять рублей давал, но старик не согласился.

— Леонардов чудная фамилия, — заметила машинистка, — но как вы ее примете?

— Теперь можно. Старик уехал во Владивосток крабов ловить.

Мария Павловна с минуту помолчала, рассматривая свои белые чулки, от стирки получившие цвет рассыпанной соли. Наконец, она решилась и бодро сказала:

— Какую же взять фамилию мне? Мне бы хотелось, чтобы фамилия была, как цветок.

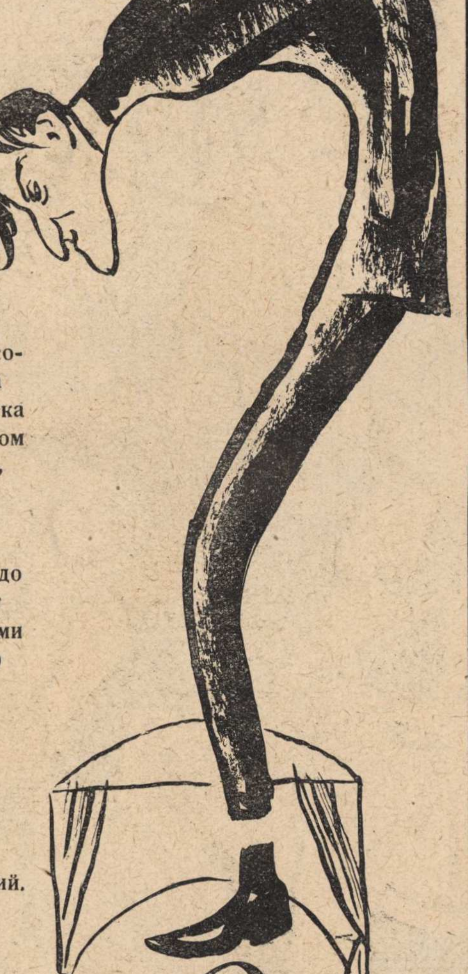
И Мария Павловна принялась перекраивать названия цветов в фамилии.

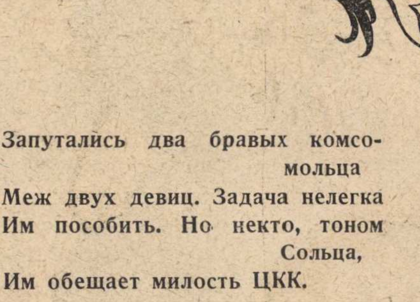
Душистый горошек, анютины глазки и Иван-да-Марья были сразу отброшены. Мария Душистова, Мария Горошкова и Мария Душистогорошкова были забракованы, осмеяны и преданы забвению. Из Иван-да-Марьи выходила та же Иванова. Хороши были цветы фуксии, но фамилия из фуксии выходила какая-то пошлая: Фукс. Мадемуазель Фукс

КВАДРАТУРА КРУГА

(Пьеса Валентина Катаева)

Рис. Кукрыниксы

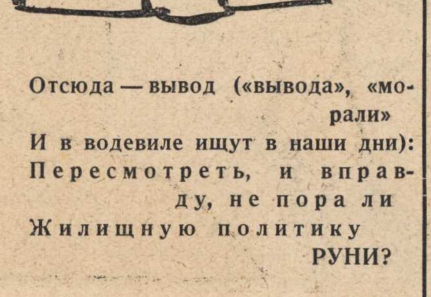
Запутались два бравых комсомольца
Меж двух девиц. Задача нелегка
Им пособить. Но некто, тоном Сольца,
Им обещает милость ЦКК.

От мены жен — он это твердо знает
(Он умудрен, — зане — годами стар)
И «революция не пострадает»
И... пострадает ли репертуар?

Сия развязка не стара-ль?
Но, изворотливости гений,
Катаев новую мораль
Из старых вывел положений.

Французов бойкий ученик,
Он в водевиле развеселом
Соединил «парижский шик»
С нижегородским... комсомолом.

Большой вопрос на малой сцене МХАТ'а.
Катаев утверждает не спроста,
Что в осложненьях брачных виновата
Жилкризисная наша теснота.

Отсюда — вывод («вывода», «морали»
И в водевиле ищут в наши дни):
Пересмотреть, и вправду, не пора ли
Жилищную политику РУНИ?

Скорпион

увяла прежде, чем успела расцвесть.

Тогда Мария Павловна, с помощью обоих счетоводов, отважно врезалась в самую глубь цветочных плантаций. Царство флоры было обследовано с мудрой тщательностью. Гармонические имена цветов произносились нараспев и скороговоркой: Левкоева, Ландышева, Фиалкина, Тюльпанова.

Счетоводы выбились из сил.

— Хризантема, орхидея, астры, резеда! Честное слово, резеда чудный цветок.

— Так мне-ж не нюхать, поймите вы!

— Георгина, барвинок, гелиотроп.

— Или атропин, например! — сказал вдруг молчавший все время артельщик.

Покуда счетоводы измывались над артельщиком, об'ясняя ему, что атропин не цветок, а медикамент, Мария Павловна приняла решение называться Ананасовой.

Это было нелогично, но красиво.

***

У Сергея Антоновича все обстояло благополучно, хотя воображения у него нехватило. Свою фамилию Иванóв он обменял на Петрова. Все снисходительно улыбнулись.

— У меня лучше! — похвастался первый счетовод. — Меня теперь зовут Николай Александрович Варенников.

Приемщику понравилась фамилия Справченко. Это была фамилия хорошая, спокойная, а главное — созвучная эпохе.

Довольнее всех оказался Николай Константинович Иванóв, заведующий конторой по заготовке рогов и копыт для нужд пуговичных фабрик.

— Я очень рад, — сказал он приветливо,—что все устроилось так хорошо. Теперь никакие толки среди населения невозможны. В самом деле, что общего между Справченко и Варенниковым, между Ананасовой и Леонардовым или Петровым? А то, знаете, Ивано́ва, да Иванóв, да снова Иванóв и опять Иванóв. Это каждого может навести на мысли.

— А вы какую фамилию взяли себе? — спросила Мария Павловна Ананасова.

— Я? А зачем мне новая фамилия? Ведь теперь Ивано́вых в конторе больше нет. Я один, зачем же мне менять? К тому же мне неудобно. Я ответственный работник, я возглавляю контору. Даже по техническим соображениям это трудно. Как я буду подписывать денежные чеки? Нет, мне это невозможно, никак невозможно сделать.

***

...Все пошло своим чередом, и через установленный законом срок отдел записи актов гражданского состояния утвердил за пятью Ивано́выми их новые фамилии.

А спустя неделю после этого погасла заря новой жизни, пылавшая над конторой по заготовке копыт. Николая Константиновича уволили за насильственное понуждение сотрудников к перемене фамилии.

Получив это печальное известие, Николай Константинович тихо вышел из своей комнаты. В тоске он посмотрел на Константина Петровича Леонардова, на Петра Павловича Справченко, на Николая Александровича Варенникова и на Марию Павловну Ананасову.

Не в силах вынести тяжелого молчания, артельщик сказал:

— Может быть, вас уволили за то, что вы не переменили фамилии? Ведь вы же сами говорили...

Николай Константинович ничего не ответил. Шатаясь, он побрел в кабинет, — как видно, сдавать дела и полномочия. От горя у него сразу скосились на бок высокие скороходовские каблучки.

И. Ильф

„...Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...“

Рис. М. Черемных

С памятника Пушкина в Москве воры унесли окружавшие памятник цепи.

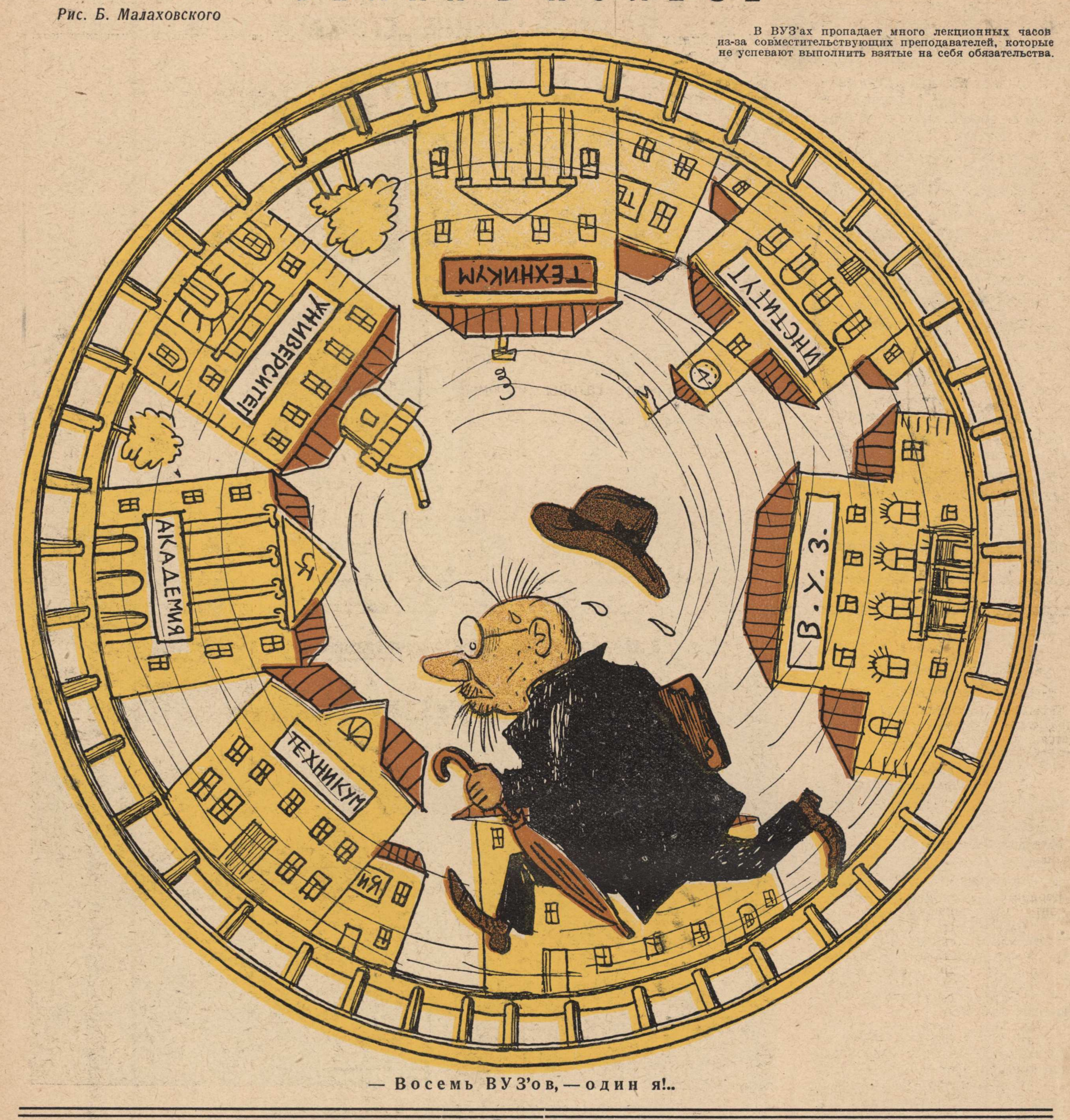

**ПУШКИН (поэт): — Ах вы цепи, мои цепи,
Вы — железны сторожа?!..**

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Рис. Б. Малаховского

В ВУЗ'ах пропадает много лекционных часов из-за совместительствующих преподавателей, которые не успевают выполнить взятые на себя обязательства.

— Восемь ВУЗ'ов, — один я!..

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

ДРЕВНИЕ АЦТЕКИ напоминают Б. Пильняка: язык их загадочен, а мысли еще не изучены.

НЕ СЧИТАЙ ПЕСЕННИКИ, издаваемые для деревни, незаменимой агрономической литературой.

СТОЯ ПЕРЕД зеркалом, забудь о самокритике.

НЕКОТОРЫМ ПИСАТЕЛЯМ для того, чтобы сделаться классиками, нехватает только талантливости и грамотности, а остальное все есть.

НЕ СЧИТАЙ ГРЕХОМ молодости привычку мыть руки.

ЕСЛИ ТЕБЯ СПРОСЯТ, кто твой любимый автор, — назови свое начальство. Если даже и не пишет, — все равно оценит.

ПОКАЖИ мне свою анкету, и я не смогу сказать тебе, кто ты.

ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ витиевато и туманно «Он ходил босиком», когда можно сказать проще: «Он носил обувь от Москожа».

ВНУТРЕННОСТИ некоторых современников весьма несложны: почки алкоголика, печень курильщика — и все.

НЕКОТОРЫЕ ДИСПУТЫ бывают веселы: докладчик смеется над оппонентом, публика — над докладчиком, а оппонент — над публикой. Плачут только денежки за вход.

ЧЕМУ ПОДОБЕН развязный газетный критик? Сору в кухне: его редко выносят, а чаще всего — выкидывают.

ПОПЫТКА не пытка для писателя, но пытка для читателей.

СКАЖИ мне, кто твой приятель, и я скажу тебе, кто твой издатель.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ПОЛУНДРА

Пожарная команда завода имени Домбаля в г. Борисове усиленно борется с пьянством, хотя немножко и своеобразно:

Получив премию в сумме 120 р., пожарная команда постановила — купить по поллитра сорокаградусной и 6 бутылок пива на каждого.

Молодцы пожарники! Здорово заливают!

ДЕТИ И... ПИВО

Бердянск на антиалкогольном фронте тоже отличился:

На проспекте им. Ленина находилась пивная Тарасьянца. Пивная закрылась. Бердянское общество «Друг детей» вновь открыло здесь пивную, причем в витрине выставили пивные бутылки, герб СССР и портрет Ильича и вывесили такой плакат: «Товарищ, если ты здесь выпьешь бутылку пива, то этим поможешь детям!»

Как говорится,—избави нас, РКИ, от этаких друзей!

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Газета «Кременчугский Рабочий» от 7-го ноября пишет:

В нашем округе в 1929—30 году будет закончена постройка суконной фабрики с продукцией в 541 тысячу метров сукна.

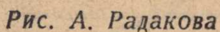
А через три дня газета «Коммунист» сообщает:

У Кременчуці закінчено будівництво суконної фабрики, що виробаятиме на рік понад 540.000 метрів ткани.

Правда, одну тысячу метров ткани газета «Коммуніст» сперла. Но это ей простительно, — зато она построила фабрику на два года раньше.

Издатель — Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК». Адрес редакции — Москва, 6. Страстной бульвар, 11. Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А26387. МОСКВА, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Заказ № 2621. Тираж 100.000.

Рис. А. Радакова

ЛОГИКА БЫТА

Текст К. Шелонского

1.

Клуб. У работниц строгий вид.
Докладчик звонче, чем сирена,
Проникновенно говорит
О том, как важна гигиена,
А там в рядах, потупив взор,
Ведут подруги разговор:

— Ты бы, Надя, хоть ногти вычистила.

— А зачем? Ведь после доклада танцев не будет.

2.

Эн — Эн почтеннейший отец,
Твердит (назойлив он и клеек),
Что Зет мерзавец и подлец —
Не возвращает пять копеек,

А дома красный, как бурак,
Он говорит прислуге так:

— Если придет управдом просить квартплату за позапрошлый месяц,—скажи, что меня нет дома.

3.

Пивная... Чад, и дым, и мат...
Цветут носы, как в поле маки.
И нагло пялится плакат
С одним коротким словом:
«Раки».
А за столом, слюняво пьян,
Бормочет некто, взяв стакан:

— Выпьем, за эту... как ее?.. за абсолютную трезвость.

4.

Библиотека. Полки книг.
Бюст Карла Маркса хмурит брови,
И жадно вузовец приник
К страницам, полным мудрой нови.
Безмолвьем всех порабощен,
Соседу тихо шепчет он:

— А Петька, хоть и «друг книги», как я, а жулье. Всю главу об электричестве в моем учебнике чернилами залил.

— И ты что-ж?

— Да что-ж! Вырвал и унес такую же главу из книги этой библиотеки.

5.

Ревнив, как тысяча Отелл,
А потому всегда не в духе,
Своей жене он надоел
В стократ сильней осенней мухи.
Жене-ж приятеля, без нот,
Он упоительно поет:

— Неужели вы такая мещанка, что боитесь изменить вашему мужу? Женщина теперь, слава богу, свободна.